

беларускай і рускай моў. У працэсе наймення частак жылля, асобных гаспадарчых пабудоў, якія ўваходзяць у сядзібны комплекс, насельніцтва памежных абласцей выкарыстоўвае нароўні з спецыфічнымі беларускімі адзінкамі (*ганкі, сенцы, скірдоўка*) і лексемы рускай мовы (*чердак, чулан, сарай*). Існуе і група лексем, агульных для ўсходнеславянскіх моў (*кладоўка, пограб*). Уся ўказаная лексіка прайшла на беларускай тэрыторыях фанетычную асіміляцыю і падпала пад адметнасці мясцовага вымаўлення. Даследаванні найменні развіліся і захаваліся ва ўсходнеславянскіх мовах яшчэ са старажытных часоў агульнаўсходнеславянскага моўнага адзінства або былі запазычана з іншых моў (балтызм *скірдоўка*, цюркізмы *сарай, чулан*) у тыя старажытныя часы.

Літаратура

1 Традыцыйныя тыпы паселішчаў і жылля на Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа : <http://ethno.iatp.by>. Дата доступа : 19.05.2012.

2 Тут і далей прыводзіцца фактычны матэрыял картатэкі лінгвістычнай лабараторыі кафедры беларускай мовы УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны» з указаннем у дужках лакалізацыі – населеных пунктаў Добрушкага раёна Гомельскай вобласці. Ілюстрацыі прыводзяцца з захаваннем фанетычных і граматычных адметнасцей мясцовага вымаўлення.

УДК 811.161.1: [81'373:398.9]:001.891

Е. И. Холявко

Красна изба углами:

о лингвокультурологическом прочтении «угловых» фразеологизмов

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских фразеологизмов с компонентом *угол*.

Своим учителем назвал народную речь Владимир Иванович Даль. «Напутное слово» к его словарю свидетельствует о бескорыстной преданности делу всей его жизни и воспринимается как завещание подвижника – филолога не по образованию, а по призванию, сумевшего понять подлинную суть родного слова. «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту», является достоверным источником и неисчерпаемой сокровищницей народной духовной культуры. Временем проверена истинность мысли и дела великого ученого, но по-прежнему «много надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова», чтобы услышать рассказ немых свидетелей истории человеческой мысли.

Примем как напутствие слова В. И. Даля, обращенные к его последователям: «Передний заднему мост» [1, т. 1, с. XXII-XXIII, XXV], – и попытаемся, используя интегративные возможности современной лингвокультурологии, объяснить связь между культурным смыслом и способом его выражения на примере русских фразеологизмов с компонентом *угол*. Выбор объекта и метода исследования мотивируется следующим образом: во-первых, не требующим доказательства авторитетным утверждением В. Н. Телия: «Фразеологический состав языка - это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [2, с. 9]. Синтезирующий лингвокультурологический подход, опираясь на идею кумулятивной функции языка, согласно которой происходит накопление народного опыта, может быть инструментом постижения языковой картины мира. В связи с этим важно отношение к языку как универсальной форме первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразителю и хранителю бессознательного стихийного знания о мире [3, с. 19]; во-вторых, многочисленностью языкового материала, свидетельствующей о его актуальности в разные исторические периоды; в-третьих, особенностями этого материала, позволяющего

реконструировать и иллюстрировать связь между природным и культурным, чувственным и рациональным, реальным и идеальным.

В «Большом словаре русских поговорок» содержится более пятидесяти образных устойчивых единиц с компонентом *угол / уголок* [4, с. 678-679]. Значительная часть их свойственна диалектной речи: *брать / взять с девятого угла* 'о побочных доходах'; *из девятого угла, с банного угла / углу* 'наобум, безосновательно, бездумно'; *по углам чернецы забежали / заиграли* 'о наступлении темноты'; *гнилой угол* 'сторона, направление, откуда дуют приносящие дождь ветры, приходят дождевые тучи'; *мокрый / сырой угол* 'сторона горизонта, откуда приходят дожди'; *сухой угол* 'угол дома, направленный на юго-восток, на солнечную сторону'; *шептать по углам* 'тайно сговариваться с кем-либо о чем-либо'; *бегать по-за углами* 'прятаться, избегать встречи с кем-либо'; *сшить на банный угол* 'сделать что-либо плохо, некачественно'; *смотреть углы* 'знакомиться с родителями жениха'; *угол отвалился* 'о неожиданно разбогатевшем человеке'; *дуть в один угол* 'быть заодно с кем-либо'; *угол с углом* 'рядом по соседству (жить)'; *искать пятый угол* 'угрожать кому-либо'; 'скрываться, спасаться от преследования и наказания'; 'тщетно искать спасения'; *показать задний угол* 'наказать кого-либо, расправиться с кем-либо'; *дать уголок* 'приютить кого-либо'; *завивать в уголок* 'обживаться, устраиваться где-либо'; *лечь в угол* 'умереть'; *сесть в угол* 'тяжело заболеть, стать нетрудоспособным'; *не в угол рожей* 'о человеке, не подходящем кому-либо, не соответствующем требованиям, предъявляемым где-либо'; *хоть об угол бей* 'о чем-либо крепком, твердом'.

Некоторые фраземы имеют социально ограниченную сферу употребления. Например, принадлежностью криминального жаргона являются следующие единицы: *зеленые углы* 'формуляры «Интерпола», рассылаемые по разным странам (о возможных или осуществленных преступлениях)'; *показать пятый угол* 'избить кого-либо'; *попасть в девятый угол* 'быть сильно избитым'; *пятый угол* 'жестокое избиение', 'безопасное место при скандале, драке'; *сорвать / отвернуть / отвертеть / вертануть угол* 'украсть чемодан'; в молодежной среде используются: *сшибать углы* 'с трудом передвигаться в состоянии сильного алкогольного опьянения'; *угол падения* 'место проведения вечеринки со спиртным'; 'пивная'; 'винный магазин'; *удариться об угол* 'сказать глупость'.

В функционально-стилевом отношении закономерно преобладают обороты устной речи: разговорные: *из-за угла* 'вероломно, тайно, исподтишка'; *из угла в угол* 'туда и обратно, в разных направлениях (ходить, шагать внутри какого-либо помещения)'; *по углам* 'тайно, скрытно (говорить, шептаться)'; *лежать / сидеть в углу* 'тяжело болеть, не вставать с постели'; *сглаживать / срезать острые углы* 'снимать или смягчать остроту разногласий, противоречий'; *загонять / загнать в угол* 'ставить кого-либо в тяжелое, безвыходное положение'; *красный угол* 'самое почетное место в избе или комнате'; *красный уголок* 'место в учреждении, воинской части и т.п., предназначенное для идейно-воспитательной работы'; *укромный уголок* 'уединенное, тихое место'; *медвежий угол* 'захолустное, отдаленное, глухое место'; просторечный: *припирать / припереть в угол* 'ставить кого-либо в затруднительное или безвыходное положение, вынуждать признать или сделать что-либо'. Число книжных фразеологизмов невелико: *под углом зрения* 'об определенном понимании чего-либо, взгляде на что-либо'; *угол зрения* 'определенный взгляд на те или иные явления, определенное понимание их'.

Экспрессивные оттенки фразеологизмов разнообразны: одобрительный: *не в угол рожей* 'о человеке с красивым лицом'; шуточные: *из-под угла соляным напуганный* 'о человеке со странностями, отклонениями в психике'; *не в угол рожей* 'о человеке не хуже других'; *золотой угол отвалился* 'о внезапно разбогатевшем человеке'; *непочатый угол* 'о большом количестве чего-либо'; ироничные: *четыре угла гостят* 'об одиноком, замкнутом человеке'; *найти за углом* 'родить ребенка вне брака'; *конопатить углы* 'не танцевать, вести себя скромно на гулянье'; *в угол запихан* 'о робком, незаметном человеке'; *задеть за угол* 'напиться пьяным'; *пьяный угол* 'место сбора алкоголиков'; бранные: *баенный угол* 'восклицание, выражающее досаду, раздражение';

неодобрительные: *ходить вокруг углов* ‘бездельничать, праздно слоняться’; *обтирать углы* ‘бродить без дела’; *подпирать углы* ‘бездельничать’; *зацепить за угол* ‘сделать что-либо неаккуратно, грубо’; пренебрежительные: *глупой уголок* ‘о глупом, несообразительном человеке’.

Народная мудрость может быть облечена в логически законченную форму, например: *Из-за угла, да камнем. Из-за угла хоть шапкой накрой. Пьянь, пьянь, а об угол головой не убьется. Ты с угла живешь, а я с краю. Они стыд за углом делили (да под углом и зарыли). Свет-то не углом (не клином) сошелся ‘найдешь себе место’. Свой уголок всего краше. Свой уголок – свой простор. Свой уголок – хоть боком пролезть, а все лучше. Одиноку – где хлеб, там и угол. Глупый ищет места, а умного и в углу знать. Скопили (свели) домик в один уголок. В передний угол посоха не ставят. Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают. В своих углах не староста указчик. У него гостят четыре угла ‘никого’. Красна изба углами, а обед – пирогами. Не держи денег в узлу, держи хлеб в углу* [1, т. 4, с. 467-468]. *В своей хате и углы помогают.*

Неиссякаемое современное остроумие, представленное в глобальной сети, несмотря на очевидные следы книжного влияния, сохраняет прежнюю народную образность и меткость речи, например: *В любовном треугольнике был поставлен в угол. Прежде чем отправить на все четыре стороны, заставили искать пятый угол. Быстрее всего учишься, когда жизнь загнала тебя в угол. От повышения градуса даже углы тупеют. Загнали в чужой угол зрения. Как ни менял угол зрения, а взгляд все равно оставался тупым. Чем тупее угол зрения, тем шире кругозор. Угол зрения зависит от занимаемого поста. Каков человек, таков и его угол зрения на мир: острый, тупой или прямой; а если угла нет, то это или замкнутый дебил, или раскрывшийся гений. Хорошо смеется тот, кто смеется зайдя за угол. Только заходишь за угол – и находишь намного лучше и дешевле. Зачем биться головой о стену, если об угол гораздо эффективнее. В семейном кругу у ребенка должен быть свой угол. Если ребенок провинился, то в угол следует ставить его родителей. Дети – цветы жизни, красиво расставленные по углам. Никогда не ставьте детей в угол, их неокрепшие лицевые кости могут принять неправильные очертания. У большинства людей душа превратилась в испуганное бесправное существо, которое забилося в угол и с грустью наблюдает за тем, что вытворяет оголтелый разум. Чем пьедестал выше, тем угол падения больше. Все приведенные афористичные выражения ярко характеризуют человека и выражают его отношение к окружающему миру. За шуточной современной формой кроется глубина многовековой народной мудрости.*

Семиотическая ценность угла определяется культурной традицией. Угол является одним из значимых терминов сакральной геометрии, научный интерес к которой проявляют современные антропологи, археологи, культурологи и философы. В древности геометрии приписывалось божественное происхождение, поскольку она давала возможность совершенного соединения логического и прекрасного, – вспомним в связи с этим известное утверждение Платона: «Бог – это геометр». Будучи порождением разума, геометрические построения наделялись священным смыслом. Отсутствующий в природе угол воплощал семантически и энергетически насыщенное сотворенное пространство, характеризовался объединением проявленного и невидимого, логического и эмоционального, материального и духовного. Этим обусловлено восприятие угла как важнейшего элемента жилищного культурного кода.

Подчеркивая сакральность углов в славянской культурной традиции, Н. И. Толстой описывает целевую направленность и внутренний смысл ритуала «четырёх углов». Ученый обращает внимание на наличие в славянской духовной культуре корреляции углов избы с порогом по признаку «живой – мертвый», однако отмечает, что «восприятие углов избы в качестве символически магического признака жизни встречается в славянской народной традиции редко» [5, с. 280]. Н. И. Толстой указывает на «общеславянский характер отношения к четырем углам дома как к сакральному месту, чаще всего как к месту

пребывания домашнего духа – домового либо душ предков. При этом культ домового ярко выражен у северновеликороссов, у части белорусов и у родопских болгар, а культ душ покойных домашних родственников – у словаков. У сербов, македонцев и части болгар он выражен косвенно через ритуал бросания орехов в Сочельник. В то же время почитанию углов дома присуща в славянской народной традиции при едином идейно-смысловом содержании территориальная вариантность» [5, с. 281].

Единое содержание ритуальных действий, направленных в соответствии с культом рода на выражение почтения углам, обусловлено семиотической организацией жилого пространства, моделирующей обрядовое поведение его обитателей. Интересно, что семиотически угол оказывается более значим, чем центр жилища, но и ценность углов не равнозначна.

В. И. Даль приводит названия четырех углов избы, функционально мотивируя происхождение соответствующих слов: 1) *старший, передний, красный, образной, святой*; 2) *бабий кут, жернов-угол*; 3) *стряпной, печной*; 4) *задний, дверной, коник* [1, т. 4, с. 468]. Как известно, у восточных славян первым, главным, красным углом считается восточный, находящийся на диагонали с печью. Семиотизация красного угла является надежной иллюстрацией устойчивой связи языческих и христианских воззрений.

А. К. Байбурун, анализируя жилище как феномен культуры, выявляя знаковую роль отдельных частей жилого пространства в контексте традиционного ритуального поведения человека и сценария его жизни, подчеркивает религиозно-мифологическую обусловленность семантической организации славянского дома. «Ориентируя жилище, человек тем самым связывает его со своими представлениями об организации мира, соотносит его с основными параметрами картины мира. С этой точки зрения жилище не просто строится: по мере его строительства, обживания оно обрастает всеми необходимыми связями с человеком, с одной стороны, и с вселенной с другой, с микрокосмом и макрокосмом. В идеале жилище должно быть соизмеримым как с микро-, так и с макрокосмом (или обеспечивать возможность перекодировок между ними)» [6, с. 127-128]. Ориентация жилища на восток обусловлена не только прагматически – лучшей освещенностью, но и идеологически – местом соответствующих представлений в системе бинарных противопоставлений, характеризующих архаичное мировосприятие. «Своеобразной осью ориентации жилища как раз и является диагональ красный угол – печь. Один ее конец (красный угол) указывал на *полдень, на свет, на восток, на красную* или *божью* сторону, другой (печь) – соответственно *на тьму, на заход* и т.п. <...> Человеку, знающему этот язык сигналов ориентации, не составляло труда сориентироваться в чужом доме, что чрезвычайно важно не только из этикетных соображений, но и для выработки правильной стратегии поведения. Именно благодаря этой диагонали ценностная топография жилища становилась предельно ясной: место у печи – «женское пространство», в красном углу – наиболее почетное и т.д. <...> Благодаря этим ориентирам человек оказывается постоянно связанным с внешним миром. С другой стороны, вся система представлений о внешнем мире таким образом проецируется на внутреннее пространство жилища» [6, с. 128].

Кроме того, религиозно-мифологический способ видения мира закрепил дихотомию языческого видения (печь) и христианского (красный угол). Оппозиция стала материальным воплощением наблюдавшегося двоеверия. «В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, образа, библия, молитвенные книги, крест, свечи, а позже и фотографии умерших членов семьи» [6, с. 150]. С красным углом связывались все ритуально и религиозно отмеченные события в жизни человека. Показательна трансформация в XX веке представлений о красном угле, воплощенная в организации особых мест для воспитательной работы – красных уголков. Интересно и изменение слова: от *угла* – к *уголку*.

Моделирующие свойства пространства издавна сказывались на этикетных предписаниях: *И мы не в угол рожей-то, а вперед; Не мое место впереди сидеть, мое место при куту в углу; В большой кут посоха не ставят; Рано, девка-то молода еще: не из куты, в куть глядит* [6, с. 151]. Жесткая пространственная семиотизация прослеживается в сохра-

нившейся у восточных славян форме педагогического воздействия – ребенка принуждают стоять, обратившись лицом в угол, в наиболее энергетически насыщенной части помещения для исправления, то есть оттока вредоносной или лишней, по мнению взрослых, энергии.

Ценностная иерархия частей пространства отличается у разных народов. М. А. Железняк, сопоставляя языковую картину мира русских и немцев на основе ассоциативного метода, приходит к следующему заключению: «... для русского сознания более актуален внутренний (в доме), а для немецкого внешний угол (на улице). Немецкая стена является перегородкой, отгораживающая людей друг от друга и защищающей, а русская либо «преградой», либо «защитой» человека от внешнего мира. Дверь является для немца регулятором общения и доступа в другие пространства, а для русского доступом к другим пространствам и пропуском к своим целям. Свой мир для русского человека не выходит за границы его дома. Русский видит угол изнутри дома, вообще не связываясь с внешним миром («миром иным?»). Внутренний угол может быть вместилищем уюта, но чаще он ассоциируется, как и закрытая дверь, с несвободой. Мир вне стен, не ограниченный углами, воспринимается как чужой и враждебный. От него отгораживаются двойными дверями, ставнями, занавесками и шторами. Снаружи темно и страшно, лучше туда даже не смотреть. И потому для русского всё, что не видно и не предсказуемо, например, за углом (но не за дверью), кажется страшным. Стена защищает русского человека и одновременно не выпускает его наружу. Здесь неспособность проникнуть во внешний мир переносится с враждебности мира на непроницаемость защищающей его стены, поэтому для него она становится преградой. Дверь в русской картине мира является единственной возможностью связи с внешним миром. Создаётся впечатление, что человек с такой картиной мира, хотя и опасается того, что может встретить вне своего дома, и связан с домом сильнейшим образом, воспринимая его как свой естественный мир, всё же больше всего боится оказаться запертым в нём. <...> Обобщая, можно сказать, что то, что для русского дом, для немца город. Возможно, это связано с тем, что житель немецкого дома привык ожидать снаружи такой же порядок, как и внутри, а житель русского дома уверен в порядке внутри дома и в хаосе снаружи» [7, с. 18].

Действительно, образная основа приведенных русских фразеологизмов свидетельствует о восприятии угла как ограниченного пространства, которое может быть безопасным, защищенным (*свой угол, укромный уголок*), но всегда ограничивающим движение (*угол зрения*). Отсюда следует или тупиковость, безвыходность (*загнать, зажать, припереть в угол; ходить из угла в угол*), или целеустремленность в достижении вершины (*быть во главе угла, угол падения*). Показателен и матримониальный запрет девушкам сидеть на углу стола. Внешний угол символизирует опасность (*из-за угла, по-за углами, найти за углом, на каждом углу*). Значимая периферийность угла всегда напряженна и дискомфортна (*показать, искать пятый (девятый) угол* (всегда лишний по отношению к стабильным и традиционным четырем); *шептаться, говорить по углам; подпирать углы; зацепить за угол; ставить в угол*). Этим определяется и стремление гармонизировать обстановку (*сгладить, стереть острые углы*). Весь собранный фразеологический материал образно характеризует взаимоотношения человека с окружающим миром. Однако и вторичная семантика отдельных слов подтверждает закономерность развития «угловых» ассоциаций, например: *угловатый* (человек) ‘суровый, неуживчивый’; ‘неловкий, неуклюжий’; *угольничать, заугольничать* ‘таиться или подстерегать и подслушивать за углами’ [1, т. 4, с. 468]. Отсутствие в человеке естественной округлости, природной мягкости форм, легкости и плавности движений, гибкости обхождения воспринимается как неловкость, грубоватость, резкость, что сопровождается негативной коннотацией, но в то же время такой человек энергичный, характерный, неудобный в общении, а потому более заметный в своих взаимоотношениях с реальностью.

Пониманию истоков образности «угловых» фразеологизмов способствует семантическая реконструкция доминирующего компонента, его этимологические связи. Основное значение слова *угол*: ‘в геометрии – часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки’, периферийные – ‘место, где сходятся две внутренние или две

внешние стороны предмета', 'место пересечения двух улиц', 'жилище, пристанище'. Скрытый глубинный смысл обусловлен созданием реалии: угол образуется встречей, пересечением, перекрещивающимся движением; этим же вызвано повышенное напряжение, энергия соответствующего места. Названный ассоциативно-семантический комплекс закрепляется за общеславянским *Qǫǫъ с исходным значением кривизны, изогнутости. На основе исходного образа кривизны закономерно формируются вторичные номинации, негативно маркируемые или характеризующиеся принадлежностью к сакральной сфере [8]. Очевидные следы близкой семантики ограничивающего движения или объединяющей силы и на уровне слова, и на уровне мифологем обнаруживаются в этимологически родственных узел 'затянутая петля на веревке, канате и т.п., а также место, где связаны концы чего-либо (веревки, нитки, платка и т.п.); сложное переплетение каких-либо событий, явлений, запутанное стечение обстоятельств', вязать 'соединять что-либо вместе, собирать, делая, изготавливая что-либо'. Менее явны, но не менее важны генетические семантические связи слова угол с этимологически родственными яга 'в славянской мифологии лесная старуха волшебница, ведьма', ангел 'духовное (бесплотное) существо, наделенное волей и разумом; вестник Бога, через которого Бог возвещает людям свою волю' и др.

Таким образом, исследование фразеологизмов с компонентом угол оказывается чрезвычайно полезным для объяснения культурной информации, образно закрепленной в русской речи: особенностей национального мировосприятия, значимости периферийности, важности отношения к части для понимания Целого, знаковой организации жилого пространства. Помимо этого, изучение внеязыковой информации способствует решению чисто лингвистических задач, выявлению утраченных родственных связей, обоснованию этимологических гипотез. Образный характер «угловых» фразеологизмов подтверждает справедливость классической мысли Ф. И. Буслаева: «Это – художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключился в корне слова. По мере накопления опыта и наблюдения, по мере осложнения впечатлений и отношений и первичный образ разрастается в верование, в идею божественной силы, незримо присутствующей в видимом мире, потом в миф, в представление о видимом, ощутительном проявлении этой незримой силы, в закон или житейское правило, устанавливаемое этим верованием и представлением, наконец, в обычай и предание, создаваемые верованиями, мифами и законами путем их передачи из поколения в поколение» [9, с. 355].

Литература

- 1 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989-1991. – Т. I : А–З. – 1989. – 699 с. ; Т. IV : Р–V. – 1991. – 683 с.
- 2 Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты русской культуры / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 3 Санлыер, Д. Ф. Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня : (на материале татарской, турецкой и английской лингвокультур) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Д. Ф. Санлыер ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 49 с.
- 4 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общей ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
- 5 Толстой, Н. И. Без четырех углов изба не строится / Н. И. Толстой // Очерки славянского язычества / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 2003. – С. 269-283.
- 6 Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 191 с.
- 7 Железняк, М. А. Сравнение немецкой и русской языковых картин мира на материале анализа элементов архитектурно-домообустроительного кода «угол», «стена» и «дверь» / М. А. Железняк // Язык, сознание, коммуникация : Сб. ст. ; отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 31. – С. 4-22.

8 Холявко, Е. И. Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова / Е. И. Холявко ; под ред. В. И. Ковалю. – Гомель : УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», 2002. – 178 с.

9 Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – Спб, 1861. – 648 с.

УДК 811.161.3'42'37

А. М. Чарнышова

Моўнае адлюстраванне камунікатыўных жэстаў і іх семантычныя асаблівасці ў кантэксте мастацкага твора

Артыкул прысвечаны праблеме моўнага адлюстравання камунікатыўных жэстаў у канве мастацкіх твораў беларускіх пісьменнікаў і магчымасці дакладнага вызначэння семантыкі такіх жэстаў. Зроблена спроба вызначэння структуры моўнага адлюстравання камунікатыўных жэстаў. Адзначаецца, што галоўнымі намінацыйнымі адзінкамі, якія прадстаўляюць жэсты ў мастацкіх тэкстах, з'яўляюцца дзеяслоў з назоўнікам, як называльны кампаненты дзеяння і часткі цела, якой гэта дзеянне выконваецца.

Камунікатыўны акт дастаткова складаны і кожны індывід укладвае ў яго шмат характэрных толькі для яго элементаў. Гэта датычыць не заўсёды характарыстыкі голасу кожнага чалавека, але і тых невербальных сродкаў, якія суправаджаюць вербальную частку паведамлення. Узаемадзеянне паміж людзьмі патрабуе разнастайных форм невербальнай камунікацыі – абмен інфармацыяй праз змены выразу твару, жэсты і рухі цела. Чалавек карыстаецца такімі невербальнымі знакамі для таго, каб дапаўняць ці абвяргаць тое, што выказваецца словамі. Часцей за ўсё чалавек, нават не разумеючы гэтага, у працэсе зносін з іншымі людзьмі звяртаецца да жэстаў. Многія вучоныя пад паняццем 'жэст' разумеюць рухі рук, галавы і іншых частак цела. Але жэст нельга ўспрымаць толькі як дзеянне, якое не нясе ніякой інфармацыі. Часта менавіта жэсты, а не словы з'яўляюцца больш інфарматыўнымі ў працэсе камунікацыі.

Жэсты разглядаюць як знешнія праявы ўнутранага стану чалавека, пры гэтым яны нясуць інфармацыю не толькі аб псіхалагічным стане чалавека, але і аб інтэнсіўнасці яго хваляванняў. У камунікацыйным працэсе жэсты суправаджаюць мову або замяняюць яе, пры гэтым яны паведамляюць аб адносінах чалавека да якой-небудзь асобы, падзеі, прадмета.

Семантыка жэстаў з'яўляецца разнастайнай у залежнасці ад кантэкста яго выкарыстання, можа адрознівацца культурнай прыналежнасцю суб'еднікаў і г.д. Аднак можна вылучыць і падабенствы. Таму, мы можам раскласіфікаваць усе жэсты, якія ўжываюцца ў дыялагічным дыскурсе, наступным чынам: камунікатыўныя жэсты (жэсты, якія зразумелыя па-за моўнага кантэксту і маюць асабістае значэнне); мадальныя жэсты (жэсты, якія выражаюць ацэнку і адносіны); апісальныя жэсты (жэсты, якія маюць сэнс толькі ў кантэксте моўнага выказвання) [1, с. 165].

Жэсты як у працэсе зносін, так і на старонках мастацкіх твораў могуць выконваць разнастайныя функцыі. Асноўнай жа функцыяй, на наш погляд, з'яўляецца камунікатыўная, таму што часцей за ўсё жэстамі карыстаюцца падчас зносін з людзьмі. А таксама, у адрозненні ад іншых, камунікатыўныя жэсты часцей за ўсё больш універсальныя і зразумелыя нават для самага непадрыхтаванага суб'едніка. Калі разглядаць асобна камунікатыўныя жэсты, то мы можам сказаць, што ў іх склад уваходзяць усе невербальныя элементы, якія замяшчаюць мову. Да камунікатыўных жэстаў адносяць жэсты прывітання і развітання, пагрозы, прыцягнення ўвагі, запрашаючыя, жэсты сцвярдзальныя, адмоўныя, пытальныя, якія выражаюць удзячнасць і многія іншыя.